

Е.А. Гребень

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Целью исследования является выявление причин и порядка регламентации перемещения гражданского населения в рамках оккупационных территориально-административных единиц и между ними. Отмечено, что в период немецкой оккупации Беларуси возможность свободного перемещения гражданского населения была существенно ограничена. Тем не менее, вопреки существующим запретам оккупационные власти не смогли полностью пресечь перемещения граждан. Выявлены причины миграций граждан из сельской местности в города и обратно, а также причины перемещений гражданского населения за пределы Беларуси, порядок получения разрешений на смену места жительства. Подчеркнуто, что стремление граждан сменить место жительства являлось одной из стратегий выживания в условиях нацистской оккупации.

Ключевые слова: нацистская оккупация Беларуси, миграция, регламентация.

Введение. В новейших фундаментальных изданиях, посвященных Великой Отечественной войне, вопросам контроля гражданского населения со стороны оккупационных властей внимание не уделялось [1]. Регламентация передвижения гражданского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации остается малоизученным вопросом. В отечественной историографии исследователи оккупационного периода традиционно констатировали введение комендантского часа, более изучена система регистрации гражданского населения [2]. Целью статьи является выявление причин и порядка регламентации перемещения гражданского населения в рамках оккупационных территориально-административных единиц и между ними.

Основная часть. На оккупированной территории Беларуси возможность свободного перемещения гражданского населения была существенно ограничена. Оккупационные власти ввели комендантский час, действовала система регистрации местных жителей, была минимизирована возможность покинуть место постоянного проживания. Запрещалось передвижение граждан вне территории волости без специального разрешения на проезд или малой путевки. Разрешения выдавались полевыми и местными комендатурами и пограничной охраной, малые путевки – комендатурами, немецкими офицерами и сельскохозяйственными руководителями. Разрешения на поездки в немецкие органы власти для оформления разрешений на проезд и малых путевок выдавались бургомистрами и действовали в течение двух дней [3, л. 11 об.]. Для перемещения за пределы волости (например, для поездки на базар, к врачу, для поездок горожан в сельскую местность за продуктами или поездок крестьян в города на рынок) необходимо было получать в местной администрации специальные разрешения. Тем не менее, несмотря на существовавшие запреты, оккупационные власти констатировали рост несанкционированных перемещений граждан. Начальник Лепельского района требовал от волостных бургомистров выдавать разрешения на поездки только в исключительных случаях, например, поездки к врачу, по служебным делам, причем выдавать их только жителям ближайших к Лепелю деревень для поездок в город в базарные дни, и то не в массовом порядке [4, л. 20]. Передвижение населения могло также ограничиваться с целью воспрепятствовать гражданам самовольно захватывать и обрабатывать земельные участки. Распоряжение на сей счет в мае 1944 г. было дано Червенской районной управой начальнику полиции [5, л. 5]. Могли также вводиться временные ограничения на передвижение населения в границах своей волости по причине проведения военных учений. Лунинецкая волостная управа довела до сведения граждан, что 07.01.1943 г. вермахт осуществлял учебные стрельбы

Гребень Евгений Александрович, канд. ист. наук, доц., зав. каф. философии и истории БГАТУ (Минск, Беларусь).

Адрес для корреспонденции: пр. Независимости, 99, 220023, г. Минск, Беларусь; e-mail: greben.evgenij@gmail.com

южнее деревни Ракитно, соответственно вводилось ограничение движения местного населения; 01.09.1943 г. на территории Лунинецкого аэродрома будут проводиться учебные стрельбы, поэтому гражданам запрещалось находиться в этот день в районе аэродрома [6, л. 2; 7, л. 13]. Временное нахождение граждан вне своей территориально-административной единицы должно было согласовываться с местной администрацией. Так, начальник общего отдела Бобруйского городского управления в феврале 1944 г. санкционировал ночлег в Доме крестьянина граждан, направлявшихся к месту жительства в Красный Берег [8, л. 84].

Особо контролировалось передвижение евреев. В распоряжении Новоградского гебитскомиссара от 06.03.1942 г. относительно запрета на свободное перемещение евреев вне организованного гетто говорилось, что граждане без еврейской звезды на одежде, внешний вид которых может вызвать подозрение относительно их принадлежности к евреям, должны быть задержаны и доставлены в Новоградскую тюрьму [9, л. 6].

Регламентировался маршрут передвижения. Для предоставления полицейским постам комендатуры или бюро пропусков районной полиции выдавало пропуска, в которых указывалось, какой пост разрешается пройти, иногда причина, по которой совершается передвижение гражданина, например, возвращение домой в деревню после окончания срока тюремного заключения, поездки, связанные с исполнением должностных обязанностей сотрудниками коллаборационной администрации [5, л. 12, 14, 39].

Запрет на свободное перемещение граждан во время действия комендантского часа мог временно сниматься в связи с важнейшими религиозными праздниками. Ортскомендатура Глусска сообщала бургомистру Глусска, что пасхальное воскресенье и понедельник (25.04.1943–26.04.1943) объявлены нерабочим днем, в пятницу 23.04.1943 г. местному населению разрешено движение до 22.00 для посещения церкви, в пасхальную ночь с 24 на 25.04.1943 г. хождение граждан по городу для посещения богослужения разрешалось всю ночь [10, л. 59].

Несмотря на попытки ограничить передвижение населения вне своей территориально-административной единицы, полностью пресечь этот процесс оккупационные власти не смогли, о чем свидетельствует приказ Глусского ортскоменданта от 19.05.1944 г. Ортскоменданта констатировал, что не имеющие пропусков гражданские лица с периферии района беспрепятственно проходят через мосты и попадают в город. От полиции требовалось останавливать для контроля всех граждан и тех из них, у кого есть удостоверение личности, но нет пропуска на посещение города, отправлять назад с предупреждением о наказании за повторное нарушение, а лиц без удостоверений личности задерживать и передавать жандармерии. При патрулировании города полиция была обязана досматривать квартиры горожан, выявляя граждан, находящихся в городе без специального разрешения [11, л. 64].

Исключительно сложно было сменить постоянное место жительства, однако, оккупационная действительность вынуждала некоторых граждан к переездам. Можно выделить два потока миграций: из деревень в города и наоборот. Часть граждан пыталась переехать из сельской местности в города и поселки. Чаще всего происходила миграция лояльных к оккупационным властям граждан, чье пребывание в сельской местности угрожало их жизни и имуществу по причине действий партизан. Миграция в города разрешалась в первую очередь представителям коллаборационной администрации волостного уровня, которым из-за их деятельности угрожали репрессиями партизаны. В генеральном округе Беларусь для переезда таких лиц в города требовалось специальное разрешение гебитскомиссаров, о чем перед ними ходатайствовали начальники районов. В январе 1943 г. Минский гебитскомиссар сообщил начальнику Койдановского района, что он дает разрешение на переезд на жительство и прописку в г. Койданово 19 гражданам, которые работали старшинами, заместителями старшин волостей Койдановского района, старостами деревень, а также членам семей сотрудников коллаборационной администрации. Позднее гебитскомиссар санкционировал временную прописку в Койданово еще 12 граждан, среди которых были члены семей старост и волостных старшин, учитель Боровской народной школы и другие граждане, которым, очевидно, угрожали партизаны и чье пребывание в сельской местности было небезопасным [12, л. 68–70].

Для переезда на другое место жительства подавалось прошение в волостную управу, которая рассматривала заявление и передавала его на рассмотрение в районную управу с указанием, имеются ли возражения на переезд конкретного лица. Например, Дрисвятская волостная управа Браславского района в апреле 1942 г. сообщала, что не возражает против переезда сюда заведующего молочной фермой. Отмечалось, что проситель и его семья пользуются хорошей репутацией, не состоят в политических организациях, имеют надел земли и до 1939 г. уже проживали в данной местности [13, л. 20]. Житель г. Браслава подал прошение разрешить проживание в городе его внучке для обучения в школе [14, л. 88]. Решение о прописке граждан в другом населенном пункте принимали начальники районов.

Начальники районов санкционировали их временное или постоянное проживание в районных центрах. Например, 15.03.1943 г. начальник Койдановского района сообщал начальнику Койдановской полиции о разрешении на право временной прописки двух жителей д. Демидовичи [15, л. 144]. На имя бургомистра Новогрудка 05.01.1943 г. поступило заявление жителя д. Дашкевичи, который сообщал, что не может возвратиться в деревню (был ранен партизанами и доставлен в больницу в Новогрудок), поскольку его разыскивают партизаны, жена боится ночевать дома [16, л. 31].

Житель д. Пустошка Браславской волости 06.01.1944 г. обратился за разрешением на переезд к сестре в д. Янишки Шарковщинского района, мотивируя просьбу тем, что его хозяйство вследствие акции (предположительно, карательная операция против партизан) разорено. Распространенной причиной переездов было преследование со стороны партизан. Житель д. Скуряты Богинской волости (католик, поляк) в марте 1943 г. просил через волостную управу разрешения гебитскомиссара на переезд семьи в местечко Видзы Свентянского района генерального округа Литва под защиту полиции, поскольку сын был убит партизанами, хозяйство разграблено [17, л. 54, 22, 22 об.].

В ряде случаев санкцию на прописку по новому адресу давали гебитскомиссары, причем переезд разрешался не всегда. Гебитскомиссары могли поручать начальникам районов выяснить, насколько указанные в прошении о переезде обстоятельства соответствуют действительности. Начальник Новогрудской районной управы 19.11.1942 г. сообщал Новогрудскому гебитскомиссару, что, проверив по его поручению заявление гражданина, выяснил, что проситель действительно подвергается преследованию со стороны партизан, которые сожгли его имущество и угрожали смертью, а перед войной семья просителя (рассматривался советской властью как кулак) была выслана в Россию, поэтому пребывание его в д. Станкевичи оказывается опасным. Однако разрешение на переезд не выдавалось автоматически. 13.11.1942 г. Новогрудский гебитскомиссар сообщил начальнику Новогрудского района об отклонении ходатайства жительницы д. Путкевичи о переезде в Новогрудок по причине малого количества квартир, а также на том основании, что он сведений о партизанской активности не имеет: «В Путкевичах банды свободно не ходят, и я должен заметить, что заявление Марии П. не имеет смысла» [16, л. 175А, 178А].

Просьбы о переезде в города были настолько многочисленными, что 02.02.1942 г. Барановичский гебитскомиссар издал распоряжение, запрещающее местному населению, которому угрожали партизаны, подавать заявления в гебитскомиссариат о переезде на место жительства в г. Барановичи, но переезд в другие города разрешался [18, л. 28]. Оккупационная администрация пыталась ограничить рост населения городов по причине дефицита продуктов питания. К тому же, массовый отток лояльных к оккупационным властям граждан в города создавал кадровый дефицит в коллаборационных структурах в сельской местности. Практиковалась выдача временных разрешений на прописку в городах лиц, спасавшихся от преследований партизан [15, л. 144].

Миграция городского населения в сельскую местность объяснялась причинами социально-экономического характера. Граждане, имевшие в деревнях родственников или знакомых, пытались выехать из городов по причине острого дефицита продуктов питания. Таким образом, вынужденная миграция части населения оккупированной Беларуси являлась одной из стратегий

выживания [19, л. 5, 7–9; 20, л. 80].

Отсутствовала свобода выбора места жительства внутри генерального округа Беларусь. На территории конкретного района разрешалось проживать гражданам, которые жили здесь до сентября 1939 г. Все остальные рассматривались как потенциально неблагонадежные и проживать на территории района могли только после специального разрешения Глубокского гебитскомиссара [21, л. 6]. Тем не менее, в конце 1941 г. гебитскомиссариат констатировал наличие в округе лиц, прибывших сюда на жительство в последние месяцы, как правило, из Минска и Вильнюса, и потребовал от местной администрации прекратить выдачу им разрешений на жительство, сообщить количество таких лиц (кто, откуда прибыл, национальность) и незамедлительно прислать их лично в гебитскомиссариат [22, л. 15]. В гебитскомиссариат также поступали просьбы граждан, проживавших в Браславском районе до сентября 1939 г. и выехавших на запад, опасаясь преследований большевиков, а сейчас желающих вернуться [23, л. 8].

Порядок пересечения административных границ округов и генеральных округов был жестко регламентирован. На основании распоряжения рейхсминистра оккупированных восточных территорий А. Розенберга от 27.05.1942 г. устанавливалось наказание в виде денежного штрафа или тюремного заключения за переход через границу между территориально-административными единицами (генерал-губернаторство, округ Белосток, оккупированные восточные территории) без соответствующих документов (паспорт, виза, пропуск и т.д.), за переход через границу вне пропускных пунктов и вне установленного времени. За утерю соответствующего документа следовал штраф до 150 марок или тюремное заключение. За подделку документа или передачу его другому лицу грозил арест сроком до 6 месяцев [24, л. 13, 14].

Поездки в Восточную Беларусь на территорию тыловой зоны группы армий «Центр» разрешались только чиновникам местной вспомогательной администрации по служебным делам, но были запрещены для рядовых граждан. Также запрещался выезд в округ Белосток и далее на территорию рейха. Иногда, в связи с определенными обстоятельствами, передвижение населения могло ограничиваться и внутри Остланда. Например, в январе 1942 г. был введен запрет на выезд в генеральный округ Латвию для жителей Браславского района по причине начавшейся там эпидемии тифа [25, л. 10, 15].

Оказавшиеся разделенными в различных оккупационных территориальных единицах, родственники практически не имели возможности видеться. Поездки за пределы округов и генеральных округов могли осуществляться только с разрешения генеральных и гебитскомиссаров и, судя по всему, выдавались крайне редко. Тем не менее, некоторые граждане все же пытались получить подобные разрешения, для чего необходимо было получить соответствующую справку из органов коллаборационной администрации. Например, 25.05.1943 г. жительница Новогрудка подала заявление на имя начальника Новогрудского района, в котором просила выдать ей справку, подтверждающую ее проживание в г. Новогрудке, необходимую для получения разрешения на приезд к ней ее матери, проживавшей в г. Минске [26, л. 1].

Результатом миграций населения в белорусско-латвийско-литовском пограничье в довоенный период стало стремление жителей приграничного района получить разрешение гебитскомиссара на постоянный или временный выезд в другие генеральные округа рейхскомиссариата Остланд или въезд в генеральный округ Беларусь. Заведующий белорусской школой Браславского района просил гебитскомиссара предоставить ему пропуск для поездок в Латвию, так как в Силенской волости Илукстского района проживает его отец, пастырь старообрядческой общины, с которым ему необходимо видеться и советоваться, как вести хозяйство и управлять пасекой. С аналогичной просьбой обратилась и мать гражданина. Некоторые просители владели собственностью за пределами генерального округа Беларусь (дом в Вильнюсе, хутор в Латвии) и просили выдать постоянный пропуск для досмотра своего имущества [23, л. 29, 33, 34].

В Глубокский гебитскомиссариат поступали прошения от граждан о переезде на постоянное место жительства в Латвию, а также из Латвии на территорию сопредельного Браславского района. В октябре 1942 г. на имя Глубокского гебитскомиссара поступило прошение жителя Зарасайского района Литвы, просившего разрешить ему переезд в Беларусь к шурина, который

работал в рыбном хозяйстве в Дрисвятах, с целью работы в качестве помощника. Проситель заявлял, что не может прокормить семью на имеющейся у него в Литве земле (2 га). Сообщалось также, что в Литве данный гражданин пользовался доброй репутацией, не сотрудничал с советской властью, одновременно известен с хорошей стороны и в Беларуси, а желание переезда продиктовано исключительно поиском работы [13, л. 15]. В мае 1944 г. рассматривалось прошение двух сестер, желавших переселиться из Латвии (приехали туда на жительство в 1938 г.) к брату в Браславский район, чтобы помочь обрабатывать надел земли [17, л. 11].

Браславская районная управа 10.08.1942 г. представила гебитскомиссару просьбу гражданки на выезд в генерал-губернаторство (в район Кракова), что и было санкционировано гебитскомиссаром 10.09.1942 г. В другом случае Глубокский гебитскомиссар 26.04.1942 г. отклонил прошение двух жителей района на переезд в Латвию. Прошение на переезд могло отклоняться по политическим мотивам. Браславская районная управа 28.04.1942 г. сообщала жительнице г. Варшавы, что на основании решения гебитскомиссара ей отказано в переезде на жительство в округ и в заключении брака с местным жителем, поскольку бракосочетание между лицами польской и белорусской национальностей возможно только после специального разрешения [13, л. 22, 33 об., 34 об.]. В другом случае, 17.04.1942 г. Глубокский гебитскомиссар отклонил просьбу гражданки, которая просила разрешить до родов переехать к мужу в Вильнюс. Гебитскомиссар посчитал, что муж должен приехать к жене. Отклонялись также просьбы жителей Браславского района о поездках в Восточную Пруссию [23, л. 56, 57, 11].

Имели место случаи прошений на выезд на работы в Германию, хотя жители Беларуси редко соглашались добровольно стать остарбайтерами. В январе 1944 г. такое желание выразил 20-летний житель Браславской волости, просивший разрешения гебитскомиссара на выезд на работу в г. Данциг, поскольку его постоянно беспокоят партизаны, а в Данциге у него живет и работает брат. Тогда же на работу в Данциг попросился и 19-летний житель г. Браслава, у которого там работали знакомые. Естественно, подобные просьбы удовлетворялись. Иногда инициатива выезда жителей района на работу в Германию могла исходить от уже работающих там родственников, которые через биржу труда присылали запрос на имя гебитскомиссара, который отдавал распоряжение местной администрации подготовить отъезд человека [17, л. 46, 47].

Необходимо отметить, что, несмотря на введенные ограничения, граница между генеральными округами Остланда была зачастую очень условной, гражданское население и представители силовых структур могли пересекать ее без официального разрешения. На основании донесения бургомистра Дрисвятской волости, Браславская районная управа поручила начальнику Браславской полиции разобраться с фактами визитов в район литовских полицейских, которые мололи на мельнице в Дрисвятах зерно. По мнению белорусских чиновников, зерно для помола привозило литовское население, а литовская полиция только прикрывала эти действия [13, л. 43].

Заключение. Таким образом, немецкие оккупационные власти стремились воспрепятствовать свободному перемещению партизан и их помощников, а также контролировать трудовые ресурсы. Тем не менее, в условиях жесткой регламентации порядка перемены места жительства под влиянием социально-экономических и военно-политических факторов наблюдалась миграция граждан из сельской местности и обратно, а также между основными территориально-административными единицами рейхскомиссариата Остланд и за его пределы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память : в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А.А. Коваленя (пред) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2010. – Кн. 1. – 480 с. ; Кн. 2. – 358 с.
2. *Гребень, Е.А.* Система регистрации и учета населения оккупированной Беларуси (1941–1944 гг.) / Е.А. Гребень // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 25 крас. 2008 г. : у 2 кн. / рэдкал.: А.А. Каваленя (гал. рэд.), С.Я. Новікаў (нам. гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2009. – Вып. 7. – С. 68–75.
3. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 1. Приказы, выписки из административных распоряжений германских властей.
4. ГАВО. – Фонд 2088. – Оп. 1. – Д. 77. Переписка Лепельской районной управы с бургомистрами волостей.

5. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 1039. – Оп. 1. – Д. 141. Пропуска на проезд и справки на временное право жительства местечка Червень за 1943–1944 гг.
6. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 2149. – Оп. 1. – Д. 39. Объявления и письма сельским старостам Лунинецкой волости для уведомления населения о проводимых стрельбах.
7. ГАБО. – Фонд 2149. – Оп. 1. – Д. 4. Переписка с Лунинецкой районной управой и еврейским комитетом о численности еврейского населения.
8. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 858. – Оп. 1. – Д. 42. Переписка городского управления с местной комендатурой, полицией о наложении штрафов и др.
9. ГАБО. – Фонд 684. – Оп. 1. – Д. 4. Газеты, листовки, объявления немецких оккупационных властей за 1941–1944 годы.
10. ГАМО. – Фонд 1613. – Оп. 1. – Д. 6. Приказы начальников окружного, районного и городского управлений, распоряжения коменданта города и др.
11. ГАМО. – Фонд 1604. – Оп. 2. – Д. 4. Приказы и распоряжения Глусского районного управления и комендатуры, административная переписка с комендатурой и волостными управлениями.
12. ГАМО. – Фонд 681. – Оп. 1. – Д. 28. Заявления граждан на оказание им материальной помощи и ходатайства председателю волости.
13. ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 10. Переписка с Глубокским окружным комиссариатом, Браславской районной жандармерией о выделении продовольствия служащим и др.
14. ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 50. Документы по учету граждан еврейской национальности (сведения, переписка, списки и др.) за 1942 г.
15. ГАМО. – Фонд 681. – Оп. 1. – Д. 27. Приказы, акты, заявления и ходатайства на оказание помощи.
16. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Фонд 610. – Оп. 1. – Д. 23. Списки слушателей Новогрудского учительского института и заявления на право жительства в г. Новогрудке.
17. ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 148. Переписка управы с отделами и Глубокским окружным комиссариатом с районной управой о предоставлении отчетов, приеме и увольнении граждан с работы, предоставлении материалов для ремонта здания суда и др.
18. ГАМО. – Фонд 1566. – Оп. 1. – Д. 5. Переписка с Клецкой районной управой по хозяйственным вопросам и др.
19. ГАВО. – Фонд 2086. – Оп. 1. – Д. 8. Заявления от граждан о переселении их из города на район, сведения о количестве скота.
20. ГАВО. – Фонд 2086. – Оп. 1. – Д. 9. Отношения начальника районного управления бургомистру волости и списки граждан волости.
21. ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 17. Переписка с отделами управы и волостными управами, учреждениями и предприятиями района об организации посещений школ детьми и др.
22. ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 12. Переписка с Глубокским окружным комиссариатом о передаче округа Глубокое в распоряжение Глубокскому окружному комиссариату, об организации борьбы со спекуляцией, запрещении использования радиоприемников и др.
23. ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 59. Переписка с организациями и предприятиями о создании сельскохозяйственной школы в имени Опсы, восстановлении узкоколейной железной дороги Друя – Дукшты, подготовке белорусского календаря на 1943 г., заявления граждан на выдачу пропусков, разрешений на смену места жительства на 1942 г.
24. ГАБО. – Фонд 201. – Оп. 1. – Д. 1323. Правительственный вестник генерального комиссара Вольни и Подолии.
25. ГАВО. – Фонд 2841. – Оп. 1. – Д. 1. Приказы, распоряжения и указания Браславской и Миорской райуправы.
26. ГАГО. – Фонд 610. – Оп. 1. – Д. 31. Заявления граждан на выдачу справок о социальном и материальном положении.

Поступила в редакцию 14.03.13.

A purpose of this article is to identify reasons and procedures of movement regulation of the civilian population in occupation territorial administrative units and between them. An author noted that during the Nazi occupation of Belarus free movement of the civilian population was severely restricted. However, contrary to the existing prohibitions, occupation authorities did not manage to prevent movement of the citizens to the full extent. Causes of citizens migration from a countryside to a city and back, as well as reasons for civilians movement from Belarus are revealed, a procedure for obtaining permission to change the place of residence have been identified. The author notes that the citizens desire to change their place of residence was one of the strategies for survival in the Nazi occupation.

Keywords: Nazi occupation of Belarus, migration, regulation.